

РЕСПУБЛИКА КОМИ: МЕНЯЮЩИЕСЯ ЛИКИ МИГРАНТСКОГО СООБЩЕСТВА

Проблема этнических миграций и отношений с мигрантами в последнее время была крайне актуализирована политиками федерального и регионального уровня. Сегодня очевидно, что приток мигрантов в страну необходим и понимание этого у политической элиты есть. Есть также желание упорядочить, легализовать миграционные потоки. Но, на наш взгляд, нет понимания того, что легализованные мигранты становятся еще и полноценным культурным сегментом российского общества, а потому как сами мигранты должны стремиться к культурной адаптации, так и принимающее сообщество должно проявлять готовность рассматривать мигрантов как органическую часть российского социального пространства. Поддержание и усиление культурной дистанции между принимающим сообществом и мигрантами не в интересах сторон. Сохранение культурной дистанции будет способствовать тому, что в массовом сознании и далее станет культивироваться ксенофобия, а, учитывая сложный этнический и конфессиональный состав самого российского общества, такие настроения окажутся препятствием на пути гражданской консолидации и формирования гражданской российской нации. О том, что названный сценарий развития российского общества вполне вероятен, можно судить на примере Республики Коми, где за 85 лет существования государственности так и не сложилось прочное территориальное сообщество.

Коми занимает обширную территорию и является одним из богатейших регионов России, поскольку 8% всего прогнозного ресурсного потенциала страны сосредоточено в ее недрах (Сухановский, Чапурин 2000: 124). Освоение богатых природных ресурсов интенсивно осуществлялось с начала 1930-х годов, для чего потребовалось привлечь в массовом порядке рабочую силу из-за пределов республики. Поэтому вполне справедливо утверждение, что современный облик республики создан мигрантами. И сегодня 60% населения составляют переселенцы из других регионов страны (Фаузер 2001: 109).

Республика пережила в XX в. несколько волн миграций, и первая из них была связана с формированием в бывшем Советском Союзе системы ГУЛАГа. Каждая волна имела свою специфику и не только способствовала изменению демографической, социальной и поселенческой структуры, но и оказывала воздействие на массовое сознание населения, на формирование культурных ориентаций и культурных приоритетов. Именно эти особенности мы попытались проанализировать в настоящей статье. В основу ее положены статистические данные, материалы демографических и этнологических исследований, результаты массовых опросов населения и этнографические наблюдения автора.

ГУЛАГ как инструмент формирования территориального сообщества. До конца 1920-х годов население Коми представляло собой довольно однородное аграрное сообщество: на территории края находился только один город – Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар), население которого составляло чуть более 6 тыс. человек и было преимущественно связано с сельским хозяйством. Город выполнял роль местного административного центра, а все окрестное население было крестьянским. Более того, это население было этнически однородным, ибо почти 90% жителей края составляли коми, а анклав со значительным русским старожильческим населением сформировались лишь на севере и в верховьях р. Печоры. Этническая однородность края стала ос-

Юрий Петрович Шабает – доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; e-mail: shabaeff@online.ru

нованием для создания в 1921 г. на его территории Автономной области Коми (с 1936 г. – Коми Автономная Советская Социалистическая Республика, с 1993 г. – Республика Коми).

Огромная территория края не имела ни промышленных предприятий, ни дорог, но обладала стратегическими ресурсами, которые требовались экономике мобилизационного типа. В частности, ухтинскую нефть пытались добывать еще во второй половине XIX столетия (*Жеребцов, Сметанин 2003: 132*), но первые попытки ее разработки оказались неудачными. Для разработки природных богатств требовались огромные людские и материальные ресурсы, а также мощные корпоративные структуры, способные реализовывать масштабные промышленные проекты. Такой структурой в бывшем Советском Союзе стала система ГУЛАГа, созданная для борьбы с идеологическими противниками режима и одновременно решавшая задачи экономического развития страны в целом и многих регионов в частности. Коми была одним из основных центров ГУЛАГа.

Начало формирования ГУЛАГа в Коми, как показывают различные источники, относится к 1929–1930 гг. (*Морозов 1997*). Именно в это время лесозаготовки на территории республики перестают иметь сезонный характер (прежде они велись в основном зимой за счет привлечения к ним местных крестьян) и вместо использования временных сезонных рабочих и лесозаготовительных баз начинается формирование кадров постоянных рабочих и создание сети стационарных лесных поселков. В поселках создаются специализированные лесозаготовительные предприятия (леспромхозы) со своими производственными объектами (мастерскими и т.д.), и это по существу означало, что в Коми стала развиваться новая отрасль хозяйства. Лесные поселки были абсолютно новым типом сельских населенных пунктов в регионе, аналогов которым здесь прежде не имелось. Строились поселки по единому типовому плану и характером застройки существенно отличались от традиционных сельских поселений – сел и деревень. Но главная их особенность состояла в том, что они отличались от остальных сельских населенных пунктов составом жителей: значительную часть их населения составляли мигранты из других регионов страны.

Создание на территории республики лесозаготовительной отрасли как специализированной отрасли местной экономики совпало по времени с началом массовых репрессий против наиболее дееспособной части крестьянского населения страны – так называемых кулаков. Началась их массовая высылка из мест прежнего проживания в северные районы страны и Сибирь. Значительное число репрессированных крестьян оказалось выслано в Коми. Созданные в 1929 г. леспромхозы организационно были объединены в трест "Комилес". И уже 26 февраля 1930 г. он заключил договор с областным отделом ОГПУ Коми "Об использовании 5000 кулацких семей на лесозаготовках". Контингент так называемых спецпереселенцев, к которым относились и раскулаченные крестьяне, увеличивался очень быстро, и уже осенью 1930 г. спецпереселенцы составляли 19% населения автономной области. Самое большое их количество размещалось в районах интенсивных лесозаготовок (*Заборцева 2000: 130*). В 1930 г. было создано 23 спецпоселка, через два года – еще 25, при этом многие из них строились в местах, мало приспособленных для создания поселений. Производственное руководство поселками обеспечивал трест "Комилес", а административное – органы НКВД. В 1932 г. на лесозаготовках работали 5476 спецпереселенцев. Всего же на январь указанного года на территории области находились 39 184 спецпереселенца (*Игнатова 2001: 24*).

К середине 1930-х годов численность спецпоселков и спецпереселенцев уменьшилась на территории республики вдвое (в основном из-за высокой смертности жителей спецпоселков), но уже с 1940 г. вновь начался рост числа поселков и резкое увеличение количества их обитателей. В это время проводились массовые депортации населения из Белоруссии, Прибалтики и Западной Украины, жертвы которых пополняли ря-

ды работников лесной промышленности Коми и жителей спецпоселков. В начале Великой Отечественной войны к этим группам прибавились трудармейцы (депортированные из Поволжья и других регионов российские немцы), а после войны – члены семей Организации украинских националистов (ОУН), "власовцы" и бывшие военнопленные, освобожденные из концлагерей на территории Германии и других стран Европы, которые оставались на территории республики до середины 1950-х годов. В результате этих акций в 1940–1944 гг. из западных районов СССР в спецпоселки на территории Коми прибыло около 19 тыс. человек, а также 25 тыс. депортированных немцев. Основная их часть была направлена на лесозаготовки. В 1946–1948 гг. лесозаготовительные предприятия Коми пополнились еще 6,5 тыс. спецпереселенцами, при этом в северных районах помимо спецпереселенцев в лесозаготовках принимало участие большое количество заключенных системы ГУЛАГа.

Эти заключенные были частью "классической" гулаговской системы, т.е. системы сталинских концентрационных лагерей, труд заключенных которых использовался при строительстве различных промышленных объектов и разработке полезных ископаемых в наиболее труднодоступных районах и регионах с особо тяжелыми условиями для жизни людей. Система ГУЛАГа стала складываться в Коми в 1929 г., когда началось освоение Ухтинского нефтяного месторождения.

В январе 1929 г. на заседании коллегии ОГПУ было принято решение приступить к организации добычи нефти в Ухте и каменного угля в Воркуте, для чего было решено перевести в Коми группы специалистов-заключенных из лагеря на Соловецких о-вах. 21 августа 1929 г. Ухтинская экспедиция ОГПУ прибыла в район современного города Ухты. В составе экспедиции было более 120 заключенных, из которых 60 в прошлом являлись геологами, горняками, геохимиками или другими специалистами. Уже через год число заключенных здесь выросло до 824 человек, а еще через полгода – до 2 тыс. человек. В 1931 г. Ухтинская экспедиция была реорганизована в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь (Ухтпечлаг), главной задачей которого являлось планомерное хозяйственное изучение и освоение Ухтинского региона и заполярной Воркуты. Развертывание масштабных работ по разведке и освоению месторождений нефти и угля вынуждало органы власти стремительно наращивать численность заключенных Ухтпечлага: в первом квартале 1933 г. она достигает 15 тыс. человек, а уже в четвертом квартале того же года – 25 тыс. (Маркова 1999: 21–22) (к концу 1930-х годов в Коми находилось более 100 тыс. заключенных, а все население республики составляло тогда около 300 тыс. человек).

Летом 1932 г. в районе Воркуты была заложена первая разведочно-эксплуатационная шахта, которая вступила в строй в 1934 г. Одновременно строились лагеря для заключенных, ряд построек которых впоследствии стали органической частью городской застройки (Волков 1990: 136). Уже в 1937 г. в Воркуте было добыто 122 тыс. т угля, и масштабы угледобычи быстро увеличивались, поскольку строились новые шахты и расширялись мощности уже построенных промышленных объектов. В 1937 г. было принято решение о строительстве печорской железной дороги, которая должна была связать Печорский угольный район с центральными районами страны и с потребителями угля. Естественно, что строительство этой магистрали планировалось осуществить силами заключенных ГУЛАГа. Начало строительства железной дороги привело к тому, что практически вся территория республики была покрыта сетью лагерей для заключенных. Причем специально под нужды строительства Печорской магистрали было создано новое подразделение ГУЛАГа – Севжелдорлаг. В 1938 г. в лагерях последнего насчитывалось 25 199 человек, а в период наиболее интенсивного строительства (1941 г.) – 84 893 человека (Азаров 1999: 159). Вдоль всей будущей трассы железной дороги создавались лагерные пункты и поселки Севжелдорлага, многие из которых впоследствии превратились в города и железнодорожные станции.

Разрушение империи ГУЛАГа в Коми превратилось в болезненный и длительный процесс. Смерть И.В. Сталина, конечно, дала мощный стимул этому процессу, породив надежды на амнистию для политзаключенных и смягчение режима в местах заключения. Но эрозия тоталитарного режима не была непосредственно связана с уходом с политической арены самого диктатора, она началась лишь после некоторого ослабления репрессивных институтов, а это произошло не сразу. Тем не менее в воркутинских лагерях смерть диктатора вызвала рост сопротивления вплоть до забастовок и бунтов. В июле 1953 г. состоялась массовая забастовка на воркутинских шахтах, закончившаяся расстрелами ее участников. Но само это сопротивление, которое уже трудно было полностью погасить и которое нарастало не только в Воркуте, расшатывало как устой ГУЛАГа, так и режим в целом. Перемены были необходимы и они начались. Так, в 1953 г. комбинат Воркутауголь был передан в ведение Министерства угольной промышленности, а через два года Совет Министров СССР принял постановление о переводе шахт комбината на вольнонаемную рабочую силу, хотя еще в декабре 1957 г. в Воркуте находилось свыше 42 тыс. заключенных. Окончательно процесс перевода шахт на использование труда наемных рабочих был завершён только в 1960 г. Примерно такими же медленными темпами происходило замещение рабочей силы из числа заключенных на шахтах Инты, важнейших предприятиях Печоры, Ухты. Но даже после того, как процесс этот был в основном завершён, население северных городов Коми состояло в основном "из бывших лагерников, ссыльных и членов их семей, уехавших из центральных районов страны" (Гольц 1992: 349).

В лесных предприятиях Коми процесс перехода на использование труда вольнонаемных рабочих был осуществлён несколько ранее, чем это произошло в угольной, нефтяной отраслях и ряде связанных с ними производств. Тем не менее в лесных поселках значительную часть населения также составляли лица, чьи судьбы были непосредственно связаны с лагерным прошлым. Многие лагеря и спецпоселки к концу 1950-х годов были ликвидированы, другие спецпоселки преобразованы в лесные поселки или железнодорожные станции, административно подчинённые властям тех районов, на территории которых они размещались.

В результате первой волны миграции, подавляющую часть которой составляли спецпереселенцы и заключённые сталинских лагерей, т.е. лица, принудительно отправленные в Коми, существенно изменился этнический состав населения региона и уже в 1950-е годы коми превращаются в этническое меньшинство. При этом тот факт, что местное население и мигранты составляли две совершенно различные социальные группы, имел важное значение в плане формирования системы отношений между ними.

Хотя местному населению категорически запрещалось вступать в контакты не только с заключёнными лагерей, но и со спецпереселенцами, эти контакты все же происходили, а со временем и становились более интенсивными. За подобные связи, особенно с немцами, полагались различные административные санкции (Жеребцова 2003: 40–41), что формировало в массовом сознании аборигенного населения убеждения о потенциальной угрозе, которую несут для их благополучия жители спецпоселков, а тем более заключённые лагерей. Это убеждение еще более усиливали факты воровства картофеля и других овощей с общественных огородов и огородов местных жителей (Шеренас 2005: 80–81), к которым вынуждены были прибегать спецпереселенцы, постоянно недоедавшие и испытывавшие дефицит продуктов питания. Столкновения с местными жителями на этой почве формировали своеобразный социальный барьер между населением ГУЛАГа и местными жителями.

Культурному дистанцированию двух социальных групп друг от друга способствовало и то обстоятельство, что коми и остальная часть территориального сообщества республики имели разные "социальные паспорта". Коми в массе своей не испытали ужасов коллективизации, депортаций, массовых репрессий, а значительная часть ино-

язычного населения республики прошла через эти испытания. Заряд агрессии, который долгие годы сохранялся в сознании и настроениях бывших узников ГУЛАГа и спецпоселков, естественным образом выплескивался на свободное население, на ту часть территориального сообщества, которая не была ограничена в гражданских правах.

Дополнительно осложняло ситуацию и то обстоятельство, что охрана многих лагерей набиралась из местных жителей, которые охотно поступали на данную службу, поскольку это освобождало их от несения военной службы, а в годы войны – от отправки на фронт. Так, если в 1930-е годы ВОХР (гражданская военизированная охрана) комплектовалась в основном из завербованных и командированных из центральных районов России и среди охранников безусловно преобладали русские и украинцы, то в годы Великой Отечественной войны ситуация изменилась. В 1942 г. в военизированной охране Воркутинского лагеря насчитывалось 496 русских, 975 коми, 162 украинца, 24 белоруса, 9 татар и т.д. (Ильин 1999: 57). Иными словами, большинство охраны состояло в Воркуте из коми и такая же ситуация наблюдалась во многих других лагерях на территории республики. Отношение к сотрудникам ВОХР среди заключенных являлось крайне негативным, поскольку те весьма часто допускали акты произвола в отношении последних.

Система ГУЛАГа не только сформировала поселенческую структуру республики, была основой ее экономики, но и способствовала тому, что в Коми сложилось разделенное сообщество (Shabaev 2004), в котором местное и пришлое население представляло собой две разные социальные группы, и между ними обнаружилась некая культурная дистанция. Не случайно, в 1950-е годы в лексике пришлых жителей республики появился негативный определитель для коми – "комьяк", а местное население воспринималось как культурно отличное сообщество, хотя на протяжении нескольких столетий формировалось единое культурное пространство на европейском севере России и частью этого пространства стала культура коми (Белицер 1958). Естественный процесс межкультурного взаимодействия на севере был нарушен советской тоталитарной системой, частью которой являлся ГУЛАГ, способствовавший разделению общества на противостоящие друг другу социальные страты. Система ГУЛАГа сформировала в республике параллельное сообщество, которое не могло воспринимать тех, кто исторически проживал на данной территории, как равных себе, а также не могло ощущать гражданскую солидарность с ним. Следствием этого стало то, что позднее в массовом сознании пришлого населения (значительная часть которого была непосредственно связана с ГУЛАГом) укоренилась некая условная граница, которая делила местное сообщество на культурные анклав. В Воркуте, к примеру, о жителях республики говорили обычно так: "Русские живут до Ухты (второй по величине город республики), а дальше – одни комьяки". При этом подразумевалось, что "русский север" – это развитая часть республики, а "коми юг" – его отсталая, аграрная часть. В последующий период развития республики вместо преодоления культурной дистанции и процессов гражданской консолидации происходили процессы дальнейшей территориальной дифференциации населения и все более усиливавшиеся процессы аккультурации и ассимиляции среди коми.

Трудовая миграция 1960–1980-х годов. К началу 1960-х годов принципиально изменилась структура населения республики. Если в 1939 г. основная часть жителей была сосредоточена в центральных и южных районах республики, а городское население составляло лишь 9,1% в общем составе, то уже в 1959 г. значительная часть населения оказалась сосредоточена на севере, а доля горожан возросла до 59,3%. Переход крупнейшей отраслей экономики на использование вольнонаемного труда вместо заключенных вызвал определенные сложности в экономическом развитии и даже к оттоку населения за пределы республики. Правда, эти сложности были очень недолгими. Республика, как и другие северные регионы, где шло интенсивное освоение природных ресурсов, отличалась более высоким, чем в среднем по стране, уровнем оплаты труда, и

это обстоятельство привлекало на север многочисленных мигрантов. Масштабы промышленного строительства в 1960–1970-е годы в Коми были очень значительны, ибо шло строительство шахт, освоение новых нефтяных и газовых месторождений, осуществлялось строительство дорог, нефте- и газопроводов, предприятий по переработке леса. Это требовало постоянного притока новых рабочих рук в промышленность. Население увеличивалось каждое десятилетие: в 1939 г. общая численность жителей республики составляла 320,3 тыс. человек, в 1959 г. – 815,8 тыс., в 1979 г. – 1118,4 тыс. Своего максимума (1264,9 тыс. человек) население Коми достигло в 1990 г. (*Фаузер* 2001: 14–15). Прирост населения в указанные годы на 60% обеспечивался за счет внешней миграции. В советский период в соответствии с установками официальной пропаганды мигранты героизировались, ибо ряд крупных промышленных объектов на территории республики (Сыктывкарский лесопромышленный комплекс, шахта Воргашорская в Воркуте, освоение газовых месторождений Вуктыла, строительство города нефтяников Усинска) были объявлены "комсомольскими ударными стройками". Приезжавшие на эти объекты со всех концов страны люди официально объявлялись участниками великих строек социализма (Промышленные 1974; Нефть 1989; Одной 1999). В массовом сознании и в фольклорной традиции работа на лесоповале, на угольных шахтах Воркуты, на буровых и в геологических партиях также воспринималась как трудовой героизм и романтизировалась, хотя Север справедливо воспринимался и как место ссылки. Это двоякое восприятие базировалось на реальном положении дел: на территории республики продолжали действовать многочисленные ИТУ, на ударных стройках широко использовался труд заключенных и условно освобожденных, а многие бывшие узники ГУЛАГа и жители спецпоселков продолжали проживать в местах ссылки (так, немцы получили право возвращаться в места прежнего проживания только в 1971 г.).

За счет внешней миграции этническая структура населения продолжала меняться не в пользу титульного этноса: в 1959 г. доля коми в общем составе населения сократилась до 30,4%, в 1979 г. – до 25,3, в 1989 г. – до 23,3 (*Котов* 1996: 21). Одновременно с притоком внешних мигрантов с конца 1950-х годов резко возрастает отток населения из села в город, что приводит к значительному изменению социального состава населения коми в республике. Среди занятого населения коми в 1979 г. 23,3% работали в промышленности, 20,7 – в строительстве, на транспорте и связи, 18,6 – в сельском хозяйстве. Но если сравнить эти показатели с русским населением республики, то разница будет очень существенной: среди русских республики в промышленности занято 34,4% занятого населения (большая часть – горожане), в сфере строительства, транспорта и связи – 26,6; в сельском хозяйстве всего 1,1 (Там же: 33). При этом, несмотря на интенсивную миграцию из села в город, коми все еще продолжали оставаться преимущественно сельским этносом, ибо более половины коми в республике проживали в сельских поселениях. Общая доля коми в составе городского населения в 1979 г. составила 14,9%, но более половины всего городского коми населения было сосредоточено в столице республики Сыктывкаре, в остальных семи городах их доля колебалась от 2 до 8%. Будучи преимущественно сельским этносом, коми отставали от доминантного большинства как по уровню образования, так и по уровню доходов на душу населения.

Культурное и социальное лидерство доминантного большинства обеспечивалось не только более прочными позициями в местном социуме, но и приводило к укреплению негативных стереотипов в отношении коми. Эти стереотипы усиливались еще более за счет исторической памяти тех, кто стал жителем республики в результате насильственной высылки из мест прежнего проживания или остался в республике после освобождения из сталинских лагерей. В северных городах республики в 1960–1970-е годы местные коми, по их собственным воспоминаниям, даже боялись говорить на родном языке.

Помимо негативных стереотипов, безусловно, оказывали влияния и демографические пропорции, которые складывались не в пользу титульного этноса, а также интенсивный характер межэтнического взаимодействия между различными этническими группами населения, прежде всего между коми и русскими. Обе эти группы не отличались друг от друга ни в расовом, ни в культурном отношении, ибо принадлежали к восточноправославному типу культуры, а совместное проживание и совместный труд на предприятиях и учреждениях, особенно в городах, делали тесное межэтническое взаимодействие неизбежным. А поскольку среди мигрантов на территории республики преобладали молодые неженатые мужчины, постольку значительная их часть находила себе брачных партнерш именно в республике и именно среди женщин коми. Не случайно, к началу 1980-х годов около половины браков с участием коми представляли собой межэтнические браки, а общее количество семей, где брачные партнеры являлись представителями разных народов, к концу 1980-х годов превышала треть от общего состава семей: из каждой 1000 семей 377 являлись межэтническими (Топилин 1995). А так как культурное лидерство обеспечили себе русские, дети из подобных семей в большинстве своем считали себя русскими, не знали языка коми и не ориентировались на культурные ценности титульного этноса (Рогачев 1985).

На этническую ситуацию оказывали влияние не только демографические пропорции населения и культурные стереотипы, но и культурно-образовательная политика. Реформа школы 1958 г. предоставила родителям учеников право самим выбирать язык обучения для детей. Эта реформа спровоцировала массовый отказ от обучения на языке коми и резкое сокращение числа учащихся, которые изучали этот язык. Более того, к середине 1970-х годов школы с обучением на языке коми исчезли и язык стали преподавать как предмет (Попов 1991), но только в части сельских школ республики.

Дело в том, что в указанные годы значительная часть учеников школ и их родителей были ориентированы на то, чтобы дети продолжили обучение в вузах, а для этого требовалось хорошее знание русского языка. Именно потому "русские школы" в массовом сознании считались более престижными, а, кроме того, сложилось убеждение, что качество обучения в них выше. Дополнительным стимулом к переводу школ на русский язык обучения явилось то обстоятельство, что уже к началу 1960-х годов в бывшем СССР сформировался глобальный информационный рынок (кино, телевидение, радио, пресса), который был полностью русскоязычен. На периферии этого рынка, конечно, существовали издания на языках народов СССР, но они были малотиражны и, как правило, малоинформативны, а потому проигрывали русскоязычным изданиям. При этом количество газет, журналов и книг на языке коми в 1960–1980-е годы также значительно сократилось. Так, если в 1946–1955 гг. среднегодовое число книг, издаваемых на коми, равнялось 61 единице, то в 1986–1993 гг. – 26 (Лаллукка 1997: 217).

Важное значение в формировании культурной среды республики играли еще несколько обстоятельств. Первое связано со сложившейся в указанные годы хозяйственной специализацией различных регионов республики и характером их связей с республиканским центром. В ходе промышленного освоения территория республики разделилась на индустриальный север (угледобыча, нефтепромыслы), индустриально-аграрный центр (лесная и целлюлозно-бумажная промышленность, газодобыча, сельское хозяйство) и аграрный юг (лесная промышленность и сельское хозяйство). При этом крупнейшие предприятия севера и центра республики подчинялись не республиканским министерствам, а союзным, т.е. Москве. Через федеральный центр шло финансирование основных отраслей экономики и там же принимались все стратегические решения. Местное руководство не имело никакого влияния на развитие базовых отраслей экономики и решало только вопросы, связанные с культурной, образовательной сферой и развитием сельского хозяйства.

Такое положение дел находило отражение и в характере идентификации местных жителей. Население промышленного севера, который не был интегрирован в местную экономику, практически не идентифицировало себя с республикой. В северных городах почти не читали республиканских газет, не смотрели программ местного телевидения, а главный интерес представляли здесь локальные события и проблемы. Более того, местная идентичность полностью замещала собой региональную. Не случайно, в Воркуте появился шуточный лозунг "Воркута – столица мира". Ярко выраженная местная идентичность и высокая степень местной солидарности стали той социальной базой, которая позволила воркутинским и интинским шахтерам стать лидерами в рабочем движении России в годы горбачевской "перестройки" и раннего ельцинского режима (Ильин 1999). При этом какой-то общей региональной идентичности не возникло.

Поскольку в миграции в Коми главную роль играл трудовой мотив, как показали данные специальных исследований (Фаузер 1994: 78–80), постольку укоренения мигрантов на территории республики не происходило, и значительная их часть через некоторое время вновь покидала пределы Коми. Так, в 1980–1992 гг. в республику прибыло 975,2 тыс. человек, а выехало за тот же период 952,3 тыс. (Там же: 57). Высокая миграционная подвижность населения, которая была характерна для второго этапа формирования населения республики, не создавала условий для формирования прочного территориального сообщества, объединенного гражданской солидарностью и общими идеалами. Более того, такая ситуация способствовала ослаблению связей внутри территориального сообщества, воспроизводству в массовом сознании предубеждений против местного населения, усилению ассимиляционного давления на него.

Ассимиляционные процессы наиболее интенсивно протекали в городах, и очевидным свидетельством интенсивного характера этих процессов может служить языковая ассимиляция. Так, по данным массового опроса 1987–88 гг., среди горожан коми предпочитали пользоваться родным языком в быту только 16,1% респондентов (Котов 1996: 80). Однако интенсивная миграция сельских коми в города в 1970–1980-е годы еще позволяла сдерживать ассимиляционные процессы, но позднее они стали очевидны. Таким образом, не местное население интегрировало мигрантов в свое сообщество, а мигрантское большинство довольно интенсивно ассимилировало местных жителей.

Современный этап этнодемографического и социального развития Коми. Существенные перемены в социальном развитии республики начались с конца 1980-х годов. Глубокие политические и экономические изменения в стране не могли не отразиться на характере развития северных регионов РФ. В условиях перехода к рыночным методам хозяйствования оказалось, что многие производства на севере неконкурентоспособны, транспортные издержки и стоимость рабочей силы слишком велики, потребность в продукции, производимой местными производителями, на внутреннем рынке мала, а на внешних не пользуется спросом. Изменение условий хозяйствования требовало масштабной реструктуризации угольной промышленности страны, и по рекомендации Международного валютного фонда значительная часть шахт должна была быть закрыта. В Воркуте закрывалось более половины шахт, а в Инте – две трети. Одновременно в 1990-е годы произошло резкое снижение цен на нефть, и в нефтяной промышленности республики начался глубокий спад. А основу экономики Коми составляли угольная, нефтяная и лесная отрасли. Положение дел во всех трех отраслях оказалось очень сложным. По сравнению с концом 1980-х годов, объемы производства в угольной отрасли во второй половине 1990-х годов сократились вдвое, в нефтяной промышленности в 4 раза, объемы лесозаготовок упали в 5 раз. Нарастание экономических сложностей, процессы реструктуризации привели к снижению жизненного уровня населения, и север перестал быть экономически привлекательным для мигрантов. Из всех северных регионов России начался массовый исход населения.

Миграционные потоки населения, человек*

Состояние	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2001 г.	2003 г.	2004 г.
Прибыло	66 165	38 338	20 845	18 826	16 729	15 970
Выбыло	69 002	50 429	27 630	24 100	23 142	21 688

* Таблица составлена на основе данных текущей статистики.

С 1987 г. миграционный отток населения за пределы республики стабильно превышает приток мигрантов (см. Табл.). В результате население республики неуклонно сокращается, и на 1 декабря 2005 г. его численность составила 986,0 тыс. человек. Демографическая ситуация усугубляется еще и тем, что с 1993 г. смертность населения стабильно превышает рождаемость, и процессы депопуляции не удастся остановить до сих пор.

По прогнозам статистиков, в 2000–2015 гг. численность населения республики предположительно уменьшится на 150 тыс. человек, или на 13%. Снижение численности населения на 59% будет обусловлено миграционным оттоком и на 41% – естественной убылью.

С 1990 г. уровень рождаемости в Республике Коми неуклонно сокращается, но с 1988 г. он уже не обеспечивает простого воспроизводства населения. Суммарный коэффициент рождаемости составил 2,03 в 1988 г. и 1,34 – в 2000 г. За последние 30 лет самый высокий уровень рождаемости был отмечен в 1985 г. – 19,2 рождений на 1000 человек населения. В 2001 г. данный показатель составил 9,2, что было выше уровня двух предыдущих лет, но ниже докризисного 1990 г. (13,4). В 2002–2004 гг. наблюдался дальнейший рост уровня рождаемости (10,1; 10,5 и 11,5 рождений на 1000 человек населения). Вместе с тем уровень миграционной убыли населения остается высоким. При этом в сокращении населения республики внешняя миграция продолжает играть решающую роль, и "вес" этого фактора увеличивается. Доля миграционного оттока в общей убыли населения в 2004 г., по сравнению с 2003 г., увеличилась на 1,2% и составила 60,6%. Самые высокие миграционные потери в 2004 г. наблюдались в шахтерских городах Инте и Воркуте. В 2005 г. ситуация принципиально не изменилась. В Российской Федерации показатель миграционной убыли, который за январь–ноябрь 2004 г. составил 5,4 тыс. человек, остается одним из самых высоких после Алтайского края (6,2 тыс.) и Омской обл. (5,5 тысячи). За январь–ноябрь 2005 г. миграционная убыль составила 6,7 тыс. человек (Шабеев 2006).

Важно отметить, что практически одновременно с процессами деиндустриализации республики и процессами депопуляции начался процесс так называемого "национального возрождения", который был связан с формированием национального движения коми, политизацией этничности и в связи с этим резким возрастанием значения этнического фактора в политике, социальной и культурной жизни республики.

Очевидно, что процессы аккультурации и ассимиляции, которые интенсивно протекали в предшествующие десятилетия на территории республики, по-разному воспринимались этнической элитой коми. Часть ее видела в этих процессах навязывание культурных стандартов доминантным большинством этническому меньшинству, угрозу для сохранения культурного своеобразия коми и не готова была принять интеграционную модель развития сообщества. Однако возможности как-то заявить о своей позиции появились только в эпоху горбачевской "перестройки", когда тоталитарный контроль над обществом ослаб и реальностью стали политические свободы, появились возможности для политической конкуренции. Тогда и начали возникать этнополитические организации, которые провозглашали своей основной целью политическую защиту интересов титульных этносов. В Коми первая такая организация – "Коми войтыр" – возникла в конце 1989 г., а в начале 1991 г. по ее инициативе был

проведен I съезд народа коми, на котором были сформулированы ключевые положения идеологии национального движения коми (Шабает 1998а).

В этой идеологии важное место занимала идея о приоритетных политических правах коми и антииммиграционные меры. В частности, предлагалось, чтобы парламент республики состоял из двух палат, одна из которых полностью состояла бы из депутатов коми, чтобы пост главы республики занимал только коми, чтобы земли в республике могли приобретать лишь представители титульной национальности, и т.д. Предлагалось принять закон о миграции и ввести ценз оседлости для избрания на государственные должности. Следующим антииммиграционным законом должен был стать закон о республиканском гражданстве, который предоставлял бы избирательные права только гражданам республики, а само это гражданство мог получить лишь постоянный житель Коми (Штрихи 1996). Эти законодательные инициативы не реализовались, но удалось внедрить в сознание политической элиты идею о делении населения на коренное (коми) и некоренное население. Для закрепления этой идеи в Конституцию республики, принятую в 1994 г., было внесено положение, что "источником государственности республики является коми народ". Таким образом, в основном законе конституировался не правовой принцип, а сомнительная политическая декларация, которая самим фактом своей политической легитимации разделяла население на качественные страты. Идея о том, что источником государственности может быть только *право народа* (как гражданской общности) *на самоопределение*, вообще не акцентировалась. Разделение населения республики на разные политические страты, в основе которого лежал принцип крови, оказало воздействие как на сознание элиты, так и на политическое сознание всего населения. Во-первых, эта идея оправдывала политику этнического фаворитизма, которую пытались проводить власти, во-вторых, она создавала условия для роста интолерантности и ксенофобии.

Свидетельством того, что мобилизованная этничность превратилась в важный фактор, воздействующий на общественные настроения, стали итоги массового опроса населения, проведенного в 1996 г. в рамках реализации программы "Социально-психологический мониторинг в Республике Коми". Опрос показал, что почти 70% респондентов называют Россию общим домом для всех проживающих в ней народов. Но эта мультикультурная модель восприятия российского социума разрушается, когда человек начинает оценивать свое отношение к конкретным жизненным ситуациям. В частности, отвечая на вопрос, касающийся того, следует ли предоставлять право прописки (регистрация в качестве постоянного жителя, которая была обязательна еще в советском административном праве) в республике представителям всех этнических групп, только 23,3% опрошенных заявили, что никаких ограничений быть не должно. Остальные высказались за введение ограничений для представителей разных этнических групп, но прежде всего для чеченцев, азербайджанцев, армян, грузин и представителей среднеазиатских народов.

Дополняют ситуацию ответы на вопрос о том, к каким этническим группам населения респонденты относятся с недоверием. Оказалось, что доля тех, для кого этот вопрос неактуален, очень невелика. Наибольшая степень недоверия была при этом высказана в отношении кавказских народов. Причем почти треть респондентов считает, что в будущем представители этих народов должны покинуть пределы республики. Вариант согласования интересов и культурной адаптации "кавказцев" к местному социуму практически не принимался респондентами, что свидетельствовало о высокой степени недоверия к общинам представителей кавказских народов в республике. Такое отношение было характерно как для этнического большинства населения Коми, так и для представителей титульного этноса. Что же касается самих коми, то 37,4% респондентов заявили, что им необходимо предоставить приоритетные права в экономической, политической или культурной сфере (Ковалев, Шабает 1991: 204–205).

Любопытно отметить, что кавказофобия практически не повлияла на динамику изменения численности представителей кавказских народов в республике. Более того, если численность представителей других этнических групп резко сократилась за период между переписями 1989 г. и 2002 г., то численность указанных народов продолжала расти. Так, если общее число украинцев в Коми сократилось со 100 до 60 тыс. человек, то численность азербайджанцев за межпереписной период возросла на 50% (Шабаев 2004).

Массовый отток населения из республики привел к тому, что в составе населения несколько возросла доля коми (с 23,3 до 25%), но абсолютная их численность существенно сократилась: с 291 542 в 1989 г. до 256 464 в 2002 г. При этом наиболее показательным то, что доля горожан среди коми в целом сократилась незначительно, а в столице республики стала меньше на 3% (Он же 2005б). Общий характер этнокультурных ориентаций коми не претерпел изменений, и территориальное сообщество не стало более интегрированным. Процессы этнической эрозии среди коми, несмотря на принятый правительством комплекс мер по поддержанию культуры и деятельность движения коми, не остановлены. Опрос учащейся молодежи, проведенный в Коми в 1997 г., показал, что среди городской молодежи, у которой оба родителя – коми, пятая часть называет себя русскими, и что молодежь не знает языка и не стремится овладеть им (Он же 1998б). Последующие исследования подтвердили, что ориентации молодежи не меняются и что она однозначно ориентирована на интеграцию в доминантное большинство. Стремление к интеграции объясняется как демографическими пропорциями населения, так и разными социальными статусами групп, определявшимися культурными стереотипами. Результаты специального исследования, проведенного среди молодежи республики, показали, что у 33% русских респондентов сохраняется негативный образ "типичного коми". Обращает на себя внимание и позиция подростков коми, у которых обнаружено негативное эмоциональное отношение к представителям своей этнической группы, выявлено стремление соответствовать образу "типичного русского". Русская молодежь характеризуется активным самовыражением и самопрезентацией, благоприятным самовосприятием и высокой степенью самоуважения, в отличие от них позиция молодежи коми – негативным подходом в системе самоотношения (Бызова, Краева 2000: 35).

При этом экономическое положение коми сложнее, нежели у доминантного большинства, ибо половина коми в республике продолжает проживать на селе, а село испытывает глубокий аграрный кризис, который вместе с кризисом в лесной отрасли отражается на жизненном уровне населения. Не случайно, уровень смертности среди коми более высокий, чем среди русских, а с 1996 г. и уровень рождаемости не превышает аналогичного показателя у остального населения Республики Коми (Фаузер 2001).

Настойчивое стремление национального движения утвердить в массовом сознании населения республики идею позитивной дискриминации, которая помогла бы представителям титульного этноса занять более прочные политические, экономические и культурные позиции, не только не воспринимается доминантной группой как приемлемая модель организации местного социума, но и ведет к "консервации" ситуации разделенного общества. В 2000 г. был проведен опрос в ряде российских регионов (в том числе и в республике), который показал, что в Коми только треть респондентов считает, что в республике сложилось единое сообщество, объединенное общими интересами и культурными стандартами, в то время как в таких этнически неоднородных и сложных регионах, как Башкортостан и Дагестан, более половины респондентов полагают, что в этих республиках такое сообщество есть (Shabaev 2004).

В условиях разделенного общества, декларируемого властями этнического фаворитизма (Шабаев 2006б) и отсутствия целенаправленной политики гражданской консо-

лидации неизбежно возрастает опасность усиления ксенофобии и антимигрантских настроений.

Среди ксенофобских настроений, как и прежде, особенно сильно проявляют себя "кавказофобия" и неприятие "выходцев с юга". Опрос населения республики, проведенный нами в 2004 г., показал, что только для 34,9% респондентов сегодня не существует этнических групп, которые вызывали бы у них реакцию отторжения. При этом 40,2% опрошенных заявили, что не доверяют представителям кавказских народов. На общественные настроения оказывают воздействие не только старые предрассудки и стереотипы, но и реальности современного мира. В частности, к таковым относится угроза мусульманского экстремизма, по поводу которой средства массовой информации пишут с завидной регулярностью. Эта угроза провоцирует рост недоверия к мусульманам вообще. По данным указанного опроса, негативно относятся к российским мусульманам 26,9% опрошенных, что вдвое превышает долю тех, кто заявил о своем позитивном отношении к представителям этой конфессии. Но этнические барьеры пока все же оказываются выше, чем религиозные.

Очевидно, что в разделенное общество, каковым было и остается население Коми, не только не может успешно интегрировать культурно отличных мигрантов, но именно в них оно будет видеть угрозу своему будущему.

Новые аспекты миграционной ситуации. Сегодня становится очевидным, что дальнейшее развитие республики невозможно обеспечить без притока внешних мигрантов. Демопуляция и массовый отток населения из республики привели к старению населения и сокращению доли жителей в активном трудовом возрасте. Возникли диспропорции в половозрастном составе, начал ощущаться дефицит различных специалистов. Ныне эти диспропорции и дефицит кадров еще не очень остры, поскольку экономика республики растет довольно медленными темпами. Тем не менее уже в настоящее время его пытаются восполнить за счет мигрантов. В угольной отрасли Коми традиционно работали выходцы с Украины, в нефтяной – из Белоруссии, Украины и ряда других стран СНГ, в лесной – из Молдавии, в торговле и снабжении – из Азербайджана, в строительном комплексе – из Армении. Эта этническая специализация отчасти сохранилась и потому трудовые мигранты из-за пределов России продолжают прибывать в Коми. Миграционная служба республики оценивает численность иностранных рабочих на территории Коми в 3 тыс. человек. Однако реальная численность трудовых мигрантов на порядок выше. Значительное число трудовых мигрантов находится в Коми нелегально, т.е. без официальной регистрации. В связи с этим миграционная служба совместно с МВД проводит регулярные рейды в местах скопления трудовых мигрантов, т.е. на рынках, стройках и т.д. Как правило, эти рейды выявляют только отдельных нарушителей, ибо о таких рейдах бывает известно чаще всего заранее.

Большинство нелегальных мигрантов оказываются таковыми не в силу того, что они сознательно идут на нарушение российского законодательства, а из-за сложности процедуры регистрации трудовых мигрантов. Руководители азербайджанского, грузинского, армянского землячества в Коми единодушны в том, что эта процедура построена таким образом, чтобы практически все мигранты оказывались нелегалами. Только за пакет официальных документов, необходимых для регистрации, нужно заплатить 4000 руб.; ждать разрешения на просьбу о временной регистрации приходится до полугода (но положительного решения может и не быть). Тем, кто хочет легально трудиться в России и получить вид на жительство, следует иметь на своем счету (а этот счет надо открыть в одном из российских банков) не менее 20 тыс. рублей. Но если человек едет в Россию зарабатывать на жизнь, то очевидно, что у него нет лишних средств. Право на занятие той или иной деятельностью может заблокировать служба занятости, если на данные сферы деятельности могут потенциально претендовать местные уроженцы (пусть даже уровень их квалификации ниже по сравнению с трудовыми мигрантами). Помимо всех официальных преград существует и множество не-

формальных практик, которые еще более осложняют жизнь иностранной рабочей силы (Мукомель 2005), поэтому многие тысячи мигрантов вынуждены работать в республике нелегально (Шабаев 2006в).

У многих российских специалистов, да и в правительстве России есть понимание того, что миграционное законодательство и порядок оформления трудовых мигрантов необходимо менять, и это, судя по всему, будет сделано. Вместе с тем помимо нормативной базы есть еще правоприменительная практика, которая может иметь свои региональные особенности, а также характер восприятия мигрантов местными сообществами, в значительной мере определяющий особенности правоприменительной практики в области миграционного законодательства на местах.

Об общем характере восприятия мигрантов населением республики мы уже говорили. Однако следует дополнить картину еще некоторыми важными деталями. Антимиграционные настроения становятся сегодня идеологической основой для деятельности все новых организаций радикального толка, а проявления мигрантофобии и кавказофобии имеют место во многих регионах России (Моноцкова 2002). Если в национальном движении коми с таких позиций сегодня выступают только крайние радикалы, влияние которых на население крайне мало и которые на политической арене почти не проявляют себя, то деятельность скинхедов и родственных им организаций, наоборот, активизируется. Первоначально в республике не принимали всерьез движение скинхедов, но количество их организаций росло, и сегодня они есть уже во многих городах и районах республики. Они устраивают митинги под лозунгами "Россия – для русских", "Остановим оккупацию России", но чаще распространяют листовки антимигрантской направленности и пишут на стенах домов надписи антисемитского содержания, лозунги, призывающие бороться против выходцев с Кавказа (Шабаев 2005а).

В 2005 г. ряды национал-радикалов укрепил Союз национального возрождения, который создал и возглавил писатель Юрий Екишев. Политический дебют организации состоялся 4 ноября 2005 г., когда в России праздновался новый праздник – День народного единства. Тогда члены Союза вышли на центральную площадь столицы республики под лозунгами "Русскую нефть – в русские руки", "Остановим оккупацию нашей земли". Затем был проведен еще ряд митингов, во время которых распространялись листовки с призывами "Русские, вооружайтесь!", "Россия против оккупантов!". Эти листовки регулярно стали находить в своих почтовых ящиках горожане. В одной из листовок, в частности, говорилось: "Миллионы иностранцев незаконно переселяются на наши земли... Захватывая целые сферы экономики, промышляя наркотиками, оружием, поддельной водкой и фальшивой валютой, осуществляя грабеж, насилие над коренным населением, эти преступные элементы почувствовали себя полноправными хозяевами России". Далее следовало заявление, что через 20 лет мигранты будут полными хозяевами страны, и выдвигалось требование "ограничить иммиграцию", ввести принудительные работы для нелегальных иммигрантов, "радикально ужесточить наказания для пособников нелегалов" и следовало напоминание: "наша земля – для наших детей! Вспомни, что ты русский! Вспомни, что ты коми!" (Он же 2006в). Среди листовок, распространяемых от имени Движения против нелегальной иммиграции, с которым солидаризировался Союз национального возрождения, были листовки такого содержания: "Папа, ты защитишь меня от черных?", "Славянка! Русская честь дороже кавказских денег", "Так начиналось Косово! Вчитывайтесь, вдумайтесь, действуйте!". После событий в Кондопоге количество распространяемых антимиграционных листовок возросло.

Характерно, что выступления национал-радикалов стали одной из главных политических новостей местных СМИ, а самому Екишеву предоставляли трибуну для выражения своих взглядов солидные местные газеты. Однако прокуратура республики все же возбудила против него уголовное дело, обвиняя в разжигании межнациональной розни.

Но дело не только в лидерах национал-радикалов, а в том, что в республике необходима прагматичная государственная политика, направленная на формирование нового облика территориального сообщества.

Что дальше? Почему речь идет о новом облике территориального сообщества? Потому что старое сегментированное сообщество не может считаться более приемлемой моделью социальной организации. Это сегментированное общество является, как видно из предшествующего изложения, наследием тоталитарного прошлого и не отвечает новой структуре социальных отношений, которые складываются в России. Но главное, что эта модель несет в себе риск потенциальных конфликтов, ибо структура населения республики в ближайшие годы должна существенно измениться. Очевидно, что, как и в 1960–1980-е годы, вновь будут пересекаться два миграционных потока. Один поток – это выезжающие из северных городов и районов, среди которых велика доля людей пенсионного и предпенсионного возраста. Только по государственной программе переселения жителей Воркуты и Инты на 2004–2008 гг. предполагается переселить 71,7 тыс. человек из 179 тыс. живущих сейчас (Княгинин 2004: 8). В этом потоке переселенцев будут в основном русские и украинцы.

Одновременно, как мы полагаем, будет постепенно усиливаться и встречный миграционный поток. И Коми, и ряд других северных регионов России, обладающих значительным ресурсным потенциалом, начинают реализовывать масштабные промышленные проекты, которые потребуют привлечения значительного количества новых трудовых мигрантов. В числе этих проектов строительство глиноземного завода, которое началось в 2006 г., создание газотранспортной системы Ямал–Европа, строительство двух новых целлюлозно-бумажных комбинатов и ряда деревообрабатывающих предприятий и другие проекты.

Трудоизбыточными регионами в современной России являются прежде всего республики Северного Кавказа, где очень велик уровень и официальной, и скрытой безработицы. Нестабильная политическая ситуация в этом регионе, высокий уровень криминализации и коррупции также создают условия для выталкивания избыточного населения в районы, где ощущается дефицит трудовых ресурсов. Кроме того, колоссальный разрыв в доходах на душу населения между богатыми северными регионами и северокавказскими республиками (Владимиров 2004: 26–27) делает привлекательными для миграции именно север и ориентирует на него потоки мигрантов с юга. Вероятность подобного прогноза подтверждается и данными текущей статистики. Так, по сведениям Коми республиканского управления статистики, сегодня положительный баланс в миграционном обмене с российскими регионами у республики зафиксирован только с Дагестаном. Что касается притока трудовых мигрантов из-за пределов России, то он высок из Азербайджана; началась миграция из Таджикистана и можно ждать усиления притока мигрантов из Узбекистана.

Очевидно, что новая миграционная ситуация в ближайшие годы может значительно изменить этнический и конфессиональный состав населения республики. Судя же по тем общественным настроениям, о которых говорилось выше, население республики к предполагаемым переменам в культурном облике региона не готово и возможно дальнейшее нарастание ксенофобии в местном сообществе, что чревато серьезными внутренними конфликтами. Поэтому властям нужно срочно выработать новую интеграционную модель политики, которая учитывала бы как российский опыт, так и опыт западного мультикультурализма, в том числе и негативный.

Более того, на наш взгляд, необходима выработка *общегосударственной программы интеграции*, которая должна способствовать росту взаимопонимания между различными этническими и конфессиональными сегментами российского общества, формированию общероссийской идентичности и усилению гражданской солидарности в российском обществе.

Литература

- Азаров 1999 – Азаров О. По тундре, по железной дороге // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых репрессий. Т. 2. Сыктывкар, 1999.
- Белицер 1958 – Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958.
- Бызова, Краева 2000 – Бызова В.М., Краева Л.И. Элементы этнопедагогики: Учебное пособие. Сыктывкар, 2000.
- Владимиров 2004 – Владимирова А. Страна контрастов // Итоги. 2004. № 38 (432).
- Волков 1990 – Волков Н.П. На Воркуте // Родники пармы: Науч.-попул. сб. Сыктывкар, 1990.
- Гольц 1992 – Гольц И.С. Воркута // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 7. М., 1992.
- Жеребцов, Сметанин 2003 – Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край. Очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003.
- Жеребцова 2003 – Жеребцова И.И. Репрессированная культура. Феномен российских немцев // Страницы истории политических репрессий в Коми АССР (30–50-е гг. XX в.). Приложение к мартирологу "Покаяние". Вып. 1. Сыктывкар, 2003.
- Заборцева 2000 – Заборцева Л.П. Спецпереселенцы и заключенные ГУЛАГа в лесной промышленности Республики Коми (30–50-е годы XX века) // Политические репрессии в России. XX век: Матер. региональной науч. конф. Сыктывкар, 2000.
- Игнатова 2001 – Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев – "бывших кулаков" в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв политических репрессий. Т. 4. Ч. 2. Сыктывкар, 2001.
- Ильин 1999 – Ильин В.И. Город-концлагерь: социальная стратификация гулаговской Воркуты // Стратификация в России: история и современность: Сб. науч. тр. Сыктывкар, 1999.
- Княгинин 2004 – Княгинин В. Время реформ // Мир севера. 2004. № 6.
- Ковалев, Шабаев 1991 – Ковалев В.А., Шабаев Ю.П. Оценка конфликтного потенциала в Республике Коми // Регионология. 1991. № 3.
- Котов и др. 1996 – Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996.
- Лаллукка 1997 – Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997.
- Маркова и др. 1999 – Маркова Е., Волков В., Родный А., Ясный В. Стране помогали ... "враги народа" // Покаяние... Т. 2.
- Моноцкова 2003 – Моноцкова М. Возбуждение розни, призывы к дискриминации и насилию на этнической и религиозной почве // Права человека в регионах Российской Федерации. М., 2003.
- Морозов 1997 – Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997.
- Мукомель 2005 – Мукомель В. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М., 2005.
- Нефть 1989 – Нефть и газ Коми края. Сыктывкар, 1989.
- Одной 1999 – Одной судьбою с ЛПК. Сыктывкар, 1999.
- Попов и др. 1991 – Попов А.А., Сметанин А.Ф., Напалков А.Д., Бараксанов Г.Г. Национальное строительство в Коми АССР (история и современность). Сер. препринтов "Научные доклады". Вып. 263. Сыктывкар, 1991.
- Промышленные 1974 – Промышленные рабочие Коми АССР. Сыктывкар, 1974.
- Рогачев 1985 – Рогачев М.Б. Межнациональные браки как фактор этнических процессов у коми (на примере языковой жизни молодых коми-русских сельских семей). Сер. препринтов "Научные доклады". Вып. 116. Сыктывкар, 1985.
- Сухановский, Чапурин 2000 – Сухановский А., Чапурин Е. Ленты жизни Юрия Спиридонова // Welcome. 2000. № 5.
- Топилин 1995 – Топилин А.В. Межнациональные семьи и миграция: проблемы взаимодействия // Социологические исследования. 1995. № 7.
- Фаузер и др. 1994 – Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. Сыктывкар, 1994.
- Фаузер и др. 2001 – Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001.

- Шабаетв* 1998а – *Шабаетв Ю.П.* Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М., 1998.
- Шабаетв* 1998б. – *Шабаетв Ю.П.* Республика Коми: время кризиса и этнополитические воззрения молодежи // Идентификация идентичности. Т. 2: Этнополитический ракурс. М., 1998.
- Шабаетв* 2004 – *Шабаетв Ю.П.* Исламский фактор в Коми и проблемы региональной национальной политики // Этнопанорама. 2004. № 3–4.
- Шабаетв* 2005а – *Шабаетв Ю.П.* Граффити и этнополитика // Бюл. сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. № 62.
- Шабаетв* 2005б – *Шабаетв Ю.П.* Этнодемографическое развитие коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. Сыктывкар, 2005.
- Шабаетв* 2006а – *Шабаетв Ю.П.* Коми // Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2006.
- Шабаетв* 2006б – *Шабаетв Ю.П.* Толерантность как базовый принцип региональной этнонациональной политики // Семиозис и культура. Вып. 2. Сыктывкар, 2006.
- Шабаетв* 2006в – *Шабаетв Ю.П.* Националисты на марше // Бюл. сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2006. № 65.
- Шеренас* 2005 – *Шеренас А.* Записки ссыльного или не знаем своей вины. Сыктывкар, 2005.
- Штрихи* 1996 – *Штрихи этнополитического развития Коми республики. Очерки, Документы. Материалы.* Т. I. М., 1996
- Shabaev* 2004 – *Shabaev Ju.* Peculiarities of Nation-Building in the Republic of Komi // Nation-Building and Common Values in Russia / Ed. Pal Kolsto and Helge Blakkisrud. Lanham-Boulder; New York; Toronto; Oxford, 2004.
- Shabaew et al.* 2005 – *Shabaew Ju., Sadohin A., Jatschmenev V.* Der GULAG als Instrument zur Bildung einer Regionalgemeinschaft // Auseinandersetzungen mit den Diktaturen. Russische und Deutsche Erfahrungen. Gießen, 2005.